Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 15. изданія годъ XVIII.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ШУТЪ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

13 Апрѣля 1896 г. № 15.

Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17. Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

— Не понимаю, cousine, чего ты дуешься весь вечеръ: если мужъ измѣнилъ тебѣ — отомсти ему скорѣе и измѣни сама...

— Какая же это месть? — онъ уже къ этому привыкъ давнымъ давно.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

Профессоръ Кайгородовъ продолжаетъ заполнять „Новое Время" своими бюллетенями о приходѣ весны.

Онъ все продолжаетъ вести статистику грачамъ да малиновкамъ, и наблюдать, когда лужи Лѣсного превратятся въ зеленѣющую травку.

И такъ изъ года въ годъ.

Слишкомъ однообразно и трафаретно.

Почему бы почтенному наблюдателю Лѣсного не отмѣчать въ своихъ бюллетеняхъ такія примѣты весны:

Дебюты на казенной сценѣ заставляютъ падать въ обморокъ публику.

Въ увеселительныхъ садахъ начинаютъ готовиться къ сезону: перетираютъ рюмки и стаканы.

Гостиный дворъ осажденъ дамскимъ поломъ и магазины весеннихъ новостей разграблены.

Въ дачныхъ мѣстахъ показались субъекты, шлепающіе по грязи и нервно звонящіеся у калитокъ.

И такъ далѣе въ такомъ же родѣ вѣрныя и вѣскія доказательства весны.

**
*

Черная неблагодарность.

Мы бѣжимъ на вокзалъ встрѣчать Мазини.

Мы готовы выпрыгнуть съ галерки при видѣ какой-нибудь итальянской знаменитости.

Мы, ради итальянцевъ, готовы сдѣлаться психопатами.

И вдругъ... итальянцы...

Нѣтъ, мы разскажемъ все по порядку.

Абиссинія прекрасная страна.

На нее наѣзжалъ вольный казакъ Ашиновъ.

Ее же посѣтилъ и г. Леонтьевъ съ г. Звягинымъ.

Популярность Абиссиніи росла быстрѣе популярности Анатолія Дурова.

Особенно послѣ того, какъ Менеликъ нанесъ символическое оскорбленіе Баратьери.

Въ пылу восторга мы отправили туда цѣлый санитарный отрядъ.

И что же?

Итальянцы воспротивились пропустить его!

И это послѣ вышитыхъ туфель Мазини и послѣ подушекъ Батистини!

Черная неблагодарность, и больше ничего!

**
*

Конку тянутъ, наконецъ-то, въ судъ.

Ее, впрочемъ, уже не разъ приглашали въ это почтенное учрежденіе.

Но тогда она обвинялась или въ раздавленіи старухи, или причиненіи увѣчья служащему.

Теперь дѣло гораздо серьезнѣе.

Городу, видите ли, захотѣлось „править" конкой.

Не надо думать, что городъ захотѣлъ взять у кучеровъ возжи—и только.

Нѣтъ! Городъ захотѣлъ быть хозяиномъ этого замѣчательнаго предпріятія. Онъ сказалъ:

— Теперь ежедневно слышатся нападки на Общество конки. Мнѣ завидно. Пускай уже лучше нападаютъ на меня.

И твердо рѣшилъ выкупить конку.

Но конка въ свою очередь рѣшилась „лечь костьми", но не сдаваться.

Битва при Мараѳонѣ произойдетъ въ судѣ.

... И грянетъ бой!..

**
*

И на собачьей улицѣ бываетъ праздникъ.

Сеттеры, лягавыя, пойнтеры, доги и прочіе четвероногіе друзья человѣчества задрали носы къ верху и завиляли уже снисходительно хвостами.

Такая метаморфоза произошла оттого, что на многихъ изъ этихъ гордецовъ висятъ медали.

У героя выставки „Неро", напримѣръ, столько медалей, сколько въ свое время самъ великій Паруновъ не имѣлъ!

А о нынѣшнихъ медалистахъ и говорить нечего.

На собачьей выставкѣ были выставлены также и лошади.

Цыганъ Н. А. Шишкинъ выставилъ „Чижика", „Пыжика" и „Мальчика".

Цыгане, очевидно, бросаютъ свое ремесло и начинаютъ быть выставочными экспонентами.

Недѣлю тому назадъ цыганъ Н. И. Шишкинъ получилъ золотую медаль за куръ.

Теперь цыганъ Н. А. Шишкинъ фигурируетъ со своимъ „Чижикомъ—Пыжикомъ".

О, времена! О, нравы!.. О цыгане, цыгане!!

**
*

Кто не знаетъ въ Петербургѣ Василія Ивановича Аристова?

Вопросъ этотъ, разумѣется, совершенно праздный.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

Тѣнь Шумана, оплакивающая безвременную кончину дочери—Геновевы.

Василія Ивановича Аристова всѣ знаютъ.

Въ прошедшее воскресенье состоялось торжественное чествованіе этого неутомимаго труженика нашего Славянскаго Общества, по случаю 25-ти лѣтія его служенія секретаремъ Общества.

Мы съ своей стороны присоединяемся къ массѣ привѣтствій, полученныхъ почтеннымъ юбиляромъ со всѣхъ концовъ не только Россіи, но и Балканскаго полуострова.

Шутъ 2-й.

НЕПРІЯТНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Молодой человѣкъ Василій Ивановичъ Бабочкинъ вошелъ въ магазинъ бѣлья, галстуковъ, запонокъ и прочихъ галантерейныхъ товаровъ и остановился въ полнѣйшемъ обалдѣньи...

За прилавкомъ торчала прехорошенькая голубоглазая блондинка.

— Что прикажете? обратилась она къ Василію Ивановичу.

— Ахъ, мадемуазель!.. вздохнулъ Бабочкинъ, весь блѣдный и дрожащій отъ волненія.

— Вамъ дурно?..

— Не то, чтобы мнѣ было дурно, но я чувствую себя очень неловко.

— Странно!.. Что же вамъ угодно?

— Извините, я, право, не знаю...

— Какъ же такъ: идете въ магазинъ и сами не знаете, что вамъ нужно?!..

— То-есть, я знаю, что мнѣ нужно, но не знаю, какъ выразить... Ахъ, что я сказалъ!.. Извините, мадемуазель...

— Помилуйте, за что же васъ извинять?..

— Да вотъ за это самое.

— Послушайте, мнѣ некогда!.. Говорите, что вы желаете?..

— Мнѣ бы того... полдюжины...

— Чего полдюжины?..

— Э... э... э... Нѣтъ, не могу-съ.

— Галстуковъ, что ли?..

— Вотъ именно-съ!.. Галстуковъ!.. въ страшной тоскѣ простоналъ на весь магазинъ Василій Ивановичъ.

Черезъ пять минутъ Бабочкинъ, нагруженный галстуками, вышелъ изъ магазина и въ меланхолическомъ раздумьи остановился посреди тротуара.

— Оселъ я въ квадратѣ, а не Бабочкинъ!.. мысленно разсуждалъ онъ, къ великому недоумѣнію прохожихъ колотя себя по затылку.—На послѣднія деньги галстуковъ накупилъ, да еще какихъ: по полтора рубля за штуку!.. Однако, чортъ побери, не могъ же я сказать этакой хорошенькой штучкѣ, что мнѣ нужны не галстуки, а невыразимые!.. Да, положеніе мое не изъ пріятныхъ: остался въ галстукахъ, но безъ... Тьфу!..

Ап. Бельведерскій.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Парижъ.—Одна изъ политическихъ фракцій взяла въ аренду театръ „Chatelet". Готовятся къ постановкѣ нѣсколько тенденціозныхъ водевилей и политическихъ фарсовъ. Драмы тоже войдутъ въ репертуаръ, но главныя роли отданы будутъ комикамъ.

Лондонъ.—Президентъ Крюгеръ и „Chartered Company" торгуются. Крюгеръ, запросившій три милліона фунтовъ стерлинговъ вознагражденія, спустилъ искъ до одного милліона. Торговля продолжается. „Chartered Company" выписываетъ на подмогу приказчиковъ изъ Апраксина рынка.

Берлинъ.—На-дняхъ въ магазинахъ появились новые дуэльные пистолеты, заряжающіеся съ казенной части горохомъ. Берлинская полиція, въ обращеніи къ дуэлянтамъ, рекомендуетъ ихъ предпочтительно передъ пистолетами стараго устройства.

Александрія. — Въ развалинахъ пирамиды Хеопса найдена замѣчательно хорошо сохранившаяся мумія. Послѣ ряда гипнотическихъ экспериментовъ мумія ожила, и попросила пива. Было подано дурдинское свѣтлое.

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ.

(à la Плещеевъ и т. п.).

„Я у матушки выросла въ холѣ
И кручины не вѣдала злой,
Да счастливой дѣвической долѣ
Позавидовалъ недругъ лихой.

Полюбилась я парню Митрошкѣ:
Сталъ юлить предо мной онъ какъ бѣсъ,
Сталъ наигрывать мнѣ на гармошкѣ,
За грибами сталъ звать меня въ лѣсъ.

Сталъ совать онъ меня подъ „микитки",
Сталъ подъ мышками мнѣ щекотать,
Сталъ дарить мнѣ булавки и нитки,
Сталъ меня постоянно щипать.

Приходилъ онъ ко мнѣ спозаранку,
Убирать на дворѣ пособлялъ,
Выносилъ изъ избы онъ лоханку,
Изъ колодца мнѣ воду таскалъ...

Вечеркомъ онъ всегда въ хороводѣ
Игры разныя ловко игралъ
И при всемъ православномъ народѣ
Предо мною въ присядку плясалъ.

Разъ принесъ онъ съ „глазкомъ" мнѣ колечко,
Тутъ ужъ я не могла устоять,
Тутъ ушло мое въ пятки сердечко,
Я пошла съ нимъ грибовъ поискать...

А потомъ... всѣ ворота мнѣ дегтемъ
Такъ намазалъ (знать, этому быть),
Что въ три дня я не только что ногтемъ,
И ножемъ не могла отскоблить!»

Графъ Нулинъ.

АНГЛО-ИТАЛЬЯНСКІЙ СОЮЗЪ.

— Слышали, что Англія съ Италіей намѣревается заключить союзъ?

— Врядъ ли они *споются*: вѣдь Англія страна совершенно *не музыкальная*, а Италія наоборотъ!

Гллв.

ПО ПОВОДУ АПТЕКЪ.

— Теперь рѣшено увеличить количество аптекъ, а вѣдь до сихъ поръ больше, чѣмъ было, аптекъ никто не могъ открывать... Почему это?

— Вѣдь извѣстно, что „аптека—мастерская смерти", вотъ потому и не разрѣшали увеличивать число такихъ опасныхъ заведеній!

Альц.

ОСКОРБЛЕННОЕ САМОЛЮБІЕ.

У Зизи въ будуарѣ царитъ полусвѣтъ,
И тончайшій разлитъ ароматъ.
На кушеткѣ—Зизи. Передъ нею корнетъ,
Рядомъ съ нею сидитъ адвокатъ.

Говоритъ ей корнетъ: „Полюбите меня!
Въ годъ пять тысячъ давать буду вамъ"..
Адвокатъ говоритъ: „Полонъ весь я огня,
Тѣ же пять я съ охотою дамъ"...

И съ кушетки вскочила Зизи въ тотъ же мигъ,
Все лицо ея точно въ огнѣ...
—Вонъ отсюда сейчасъ! Какъ посмѣлъ вашъ языкъ
Предлагать эти гнусности мнѣ?!

Кто, по вашему, я, чтобъ меня оскорблять
Всякій могъ безнаказанно?!.. Вонъ!!
Предлагать мнѣ пять тысячъ... О, Боже, лишь пять!
Мнѣ даетъ цѣлыхъ двадцать баронъ!

Тоже поэтъ.

ВЪ КАФЕ-ШАНТАНѢ.

— Я не пью водки... Я пью только вино!

— Вино? Гм.! Въ такомъ случаѣ, мадмуазель, мы *не сошлись характерами* и намъ лучше разойтись по добру по здорову!

Абеляръ.

НА КРАСНОЙ ГОРКѢ.

— Я пріѣхалъ просить руки вашей дочери...

— Я польщена, но обязана вамъ сказать,— мы такъ бѣдны, у нея нѣтъ приданаго.

— О, это пустяки—я беру ее въ томъ, въ чемъ она есть.

— Ахъ, что вы!! Это невозможно — сейчасъ она въ ваннѣ.

Бурбоша.

ВЪ СКВЕРѢ.

— Этотъ старикашка постоянно гуляетъ въ здѣшнемъ скверѣ и пристаетъ къ женщинамъ...

— Оно сразу видно, что это *скверный* старикашка!

Аб.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

Послѣднія вѣсти о Нансенѣ.

Подъ такимъ заголовкомъ оповѣщена официальная телеграмма изъ Якутска, сообщающая во всеобщее свѣдѣніе, что о судьбѣ Нансена никому и ничего неизвѣстно. Инородцы крайняго сѣвера не видали никакого судна и никакихъ признаковъ крушенія, а пресловутый приказчикъ Кушнаревъ, оповѣстившій весь міръ объ открытіи сѣвернаго полюса Нансеномъ, писалъ на основаніи старыхъ газетъ...

Изъ старыхъ газетъ— въ свѣжія.

Приказчикъ Кушнаревъ хотя и торгуетъ селедками, но призваніе его несравненно выше,—чѣмъ марать селедками газетную бумагу, ему по всей справедливости надо марать ее типографской краской.

Если изъ Архангельска вышелъ Ломоносовъ, то почему бы изъ Устьянска не выйти Кушнареву.

Въ обоихъ городахъ одинаково холодно.

***

Нашими подписчиками, состоявшими въ прошломъ году подписчиками и журнала „Новь", но не возобновившими на него подписки въ текущемъ году, получены оригинальныя письма редактора-издателя этого журнала. Пересчитавъ сколько десятковъ фунтовъ макулатуры онъ выдаетъ своимъ подписчикамъ, редакторъ-издатель изумляется: „вы по какимъ-то соображеніямъ, кажется, вовсе не намѣрены подписываться на „Новь" въ 1896 году... Въ такомъ случаѣ для меня *крайне убыточно* печатаніе лишняго экземпляра номера журнала и лишнихъ экземпляровъ книгъ, которыя я счелъ своею обязанностію продолжать печатать въ 1896 году *спеціально для васъ*. А потому *во избѣжаніе недоразумѣній*, по этому поводу, прошу не отказать въ *письменномъ подтвержденіи* вашего отказа отъ журнала"... и такъ далѣе, словомъ—строгій выговоръ съ намекомъ на обращеніе въ судъ, на рѣшившаго отказаться отъ стольскихъ фунтовъ бумаги.

Неопытный провинціалъ несомнѣнно придетъ въ ужасъ отъ обвиненія въ разореніи издателя „Нови", отъ перспективы судебной волокиты, и страшась въ письменномъ документѣ дать какую-нибудь новую каверзу въ руки предпріимчиваго издателя, отошлетъ подписную плату.

ГОРЕ-ОХОТНИКЪ.

— Однако сколько глупцовъ на свѣтѣ, Анна Николаевна! Вы замѣчаете?
— Да, но я не люблю о нихъ говорить вслухъ.

СПАСИТЕЛЬНАЯ ВЕРЕВКА.

Евгеній Петровичъ Кроликовъ шелъ по набережной Невы. Глаза его блуждали, губы нервно вздрагивали...

— Итакъ, я—счастливѣйшій изъ смертныхъ! сказалъ онъ самому себѣ, тяжело вздохнувъ.— Прелестная Манечка Козлова, этотъ ангелъ доброты и невинности, сдѣлалась моей невѣстой!.. А черезъ недѣлю она будетъ моей законнѣйшей супругой!.. О, блаженство!.. Черезъ недѣлю, — чортъ побери! — я обниму ее, заключу въ свои объятія и осыплю поцѣлуями съ головы до самыхъ пятъ!.. Начнется медовый мѣсяцъ... Брррр!!.. Настанетъ другой, третій... пройдетъ девять мѣсяцевъ, десять, а тамъ, глядишь, явится малюсенькій этакій бутузикъ и раздастся на всю квартиру его нѣжный вой и пискъ... Однимъ словомъ, — прелесть! блаженство!... Идеальный семейный очагъ!.. О, Господи!.. Ну, конечно, у очага—ухватъ и кочерга... Бррр! какъ, однако, холодно!?.. Я немножко рано лѣтнее пальто надѣлъ... Итакъ, значитъ, черезъ недѣлю я буду млѣть въ объятіяхъ красавицы жены... Ба!! я забылъ, чортъ возьми, что ледъ давнымъ давно прошелъ! неожиданно прибавилъ Евгеній Петровичъ, подымаясь на Николаевскій мостъ. Итакъ, черезъ недѣлю... Нѣтъ, дудки!..

Съ этими словами, Кроликовъ, къ удивленію и ужасу прохожихъ, схватился за перила моста и, съ быстротою паденія кредитнаго рубля, полетѣлъ вверхъ тормашками въ объятія красавицы Невы...

„Ай! Ой!.. Городовой!.. Околодочный!.. Извозчикъ!.. Карррауль!“ раздались на мосту крики и со всѣхъ сторонъ Петербурга сбѣжались сердобольныя кумушки, репортеры, городовые, гимназисты и мороженники и принялись общими усиліями разматывать со щита веревку для спасенія погибающихъ.

А тѣмъ временемъ, Евгеній Петровичъ, барахтаясь въ водѣ, напрягалъ всѣ свои силы, чтобы пойти ко дну, но всякій разъ волны выносили его на поверхность. Кроликовъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ къ нему со всѣхъ сторонъ приближались ялики и даже пароходы. Сердце его обливалось кровью при мысли, что онъ неминуемо погибнетъ, если не поспѣшитъ утонуть. Вдругъ, онъ увидалъ спускавшуюся съ моста спасательную веревку.

— Merci! радостно крикнулъ онъ, ставшей надъ нимъ, толпѣ, и поймавъ конецъ веревки, обмоталъ ее вокругъ своей шеи.

— Спасайте! снова крикнулъ Кроликовъ и подпятый на воздухъ дружными усиліями великодушной толпы... отдалъ Богу душу...

—

Черезъ три дня Евгеній Петровичъ былъ преданъ землѣ. На свѣжей могилѣ его красовалось три вѣнка съ чувствительными надписями: „коварному измѣннику — отъ Манечки Козловой“, „господину Кроликову—отъ благодарныхъ репортеровъ“ и „доброму барину“ —отъ мороженщиковъ“.

К. Рикъ.

НАШИ ПШЮТТЫ.

— Что это, братъ, ты въ зимнемъ пальто щеголяешь?

— Ахъ, не говори! Мой портной пропалъ. Некому больше заказать, никто не вѣритъ.

— Куда же твой-то портной дѣвался?

— Не знаю; ума не приложу.

— Да не удралъ ли онъ съ твоими векселями въ Америку?

— А вѣдь и то можетъ быть! Вотъ негодяй-то!..

Міtа.

ГАСТРОНОМЪ.

Въ тѣ дни, когда икается,
Когда катарръ силенъ,—
И плачется, и кается
Всѣмъ въ объяденьи онъ.

Натура въ немъ изнѣжена,
И въ дни, когда здоровъ,
За огурецъ изъ Нѣжина
Онъ все отдать готовъ,

Подъ ресторана сводами
Пьетъ вина безъ заботъ...
Потомъ возиться съ „водами“
Лѣчебными начнетъ...

Тоже поэтъ.

ВЪ ТЕАТРѢ.

Разговариваютъ два сосѣда въ партерѣ.

— Ну, и поетъ же эта черномазая, хоть вонъ бѣги! Не понимаю, какъ съ такимъ голосомъ выпускаютъ на сцену?

— Что жъ, голосъ для сцены подходящій, только не для оперетки, конечно, а для балета или пантомимы.

Ганшпугъ.

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА.

Врожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ли я въ гостиный дворъ,—
Вездѣ, куда ни кину взоръ,
Встрѣчаю женщинъ полоумныхъ.

И какъ двугорбые верблюды
Устало шествуютъ онѣ,—
Хоть тяжелы покупокъ груды,
За то легки ихъ портмонэ!..

Піита.

ВЪ ШКОЛѢ.

— Поняли, что я вамъ сейчасъ говорилъ о млекопитающихъ?..

— Поняли!..

— Ну, назови мнѣ, Ивановъ, какое-нибудь млекопитающее.

— Гм... млекопитающее... гм... Кормилица!..

Базилъ.

РАННІЙ ДАЧНИКЪ.

— У васъ отдается эта маленькая дачка?

— Да-съ, отдается. Вы желаете снять?

— Да, желалъ бы... А сколько за нее?

— 1200 р. за лѣто, со всѣми удобствами...

— Гм!.. Ну, а безъ удобствъ?

Коко.

ПЕРЕДЪ ДАЧНЫМЪ СЕЗОНОМЪ.

— Гдѣ думаете, Марья Ильинишна, это лѣто на дачѣ жить?

— Въ Шуваловѣ, какъ и всегда; а вы?

— Въ разныхъ мѣстахъ—у знакомыхъ.

Бурбоша.

УТРО.

Иванъ Петровичъ проснулся и съ просонокъ не можетъ опредѣлить время. Въ сосѣдней комнатѣ слышна брань законной половины.

— Манечка, кричитъ онъ,—скажи, пожалуйста,—ты *еще* бранишься, или *уже* бранишься.

Семирамидъ.

ПРОСТОФИЛЯ.

— Если бы ты только знала, Мари, въ какомъ я отчаяніи, что твои родители не согласны на нашъ бракъ...

— Какой ты, Сережа, простофиля, только и умѣешь вздыхать да плакать. Еслибъ я была мужчина, — я давно съумѣла бы сдѣлать такъ, чтобы мои родители съ радостью отдали меня за тебя.

Семирамидъ.

ХОРОШІЙ АТТЕСТАТЪ.

— Сударыня, не дадите ли вы мнѣ аттестатъ за мою у васъ службу?

— Что же, я могу вамъ дать аттестатъ, но въ немъ напишу одно худое...

— Напишите только, что я прослужилъ у васъ 6 мѣсяцевъ, и этого будетъ совершенно достаточно!

Трр...

НА УЛИЦѢ.

— Видишь, Катя, какой я умница—догадался взять зонтикъ, вотъ твоя шляпка и не пострадаетъ отъ дождя.

— Ахъ, Ваня, ты былъ бы еще умнѣе, если бы догадался взять еще извозчика.

Семирамидъ.

У МИРОВОГО.

— Вы Ицка Берковичъ?

— Ми шамые.

— Гдѣ живете?

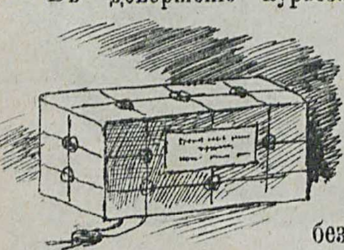
— У въ Подъяцешкой улица.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Цѣмъ занимаюшь? Ми, шебѣ такъ, зивемъ съ швaeй зеной, и изъ ней ражнымъ дѣламъ жанимаемся.

Жанъ.

Въ довершеніе курьеза, этотъ „циркуляръ“ разсылается безъ почтовыхъ марокъ, такъ что получающіе его еще должны доплатить — 14 копѣекъ.

Далѣе издательская безцеремонность итти уже не можетъ, развѣ, эту старую макулатуру подъ видомъ дорогихъ мѣховъ, шелковыхъ, штофныхъ матерій и брюссельскихъ кружевъ разсылать съ наложеннымъ платежемъ.

Подождемъ, посмотримъ, что-то будетъ дальше?

***

Въ настоящемъ нумерѣ мы помѣщаемъ скорбную тѣнь Шумана. Тѣнь страждущая носится надъ мавзолеемъ, подъ которымъ погребено его дѣтище.

Саркофагъ украшенъ мраморной Геновевой.

Общество, поставившее это произведеніе, рѣшило быть оригинальнымъ и обѣщаетъ вообще ставить *неизвѣстныя* оперы; такъ, въ будущемъ году мы услышимъ у нихъ и „Троянцевъ“ Берліоза.

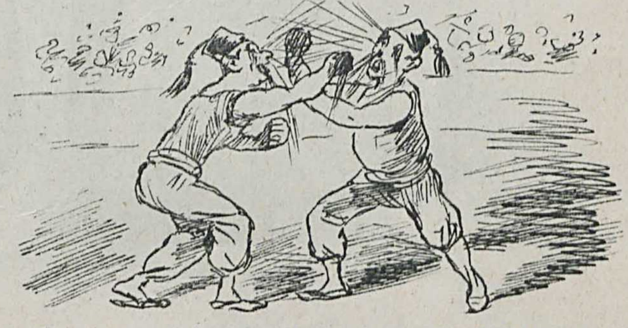

Знакомить насъ съ „неизвѣстными“ операми, то-есть, попросту говоря, съ такими, которыя не стоятъ того, чтобы быть извѣстными, — это довольно оригинально...

Но, можетъ быть, мы не захотимъ знакомиться?!.

***

Въ циркѣ турецкіе борцы-атлеты. Ибрагимъ Мамутъ борется съ Кара - Ахметъ. Хотя борьба объявлена французская, но она ведется совершенно по-азіатски. Борьбу, однако, пришлось прекратить, потому что борцы перебили другъ у друга

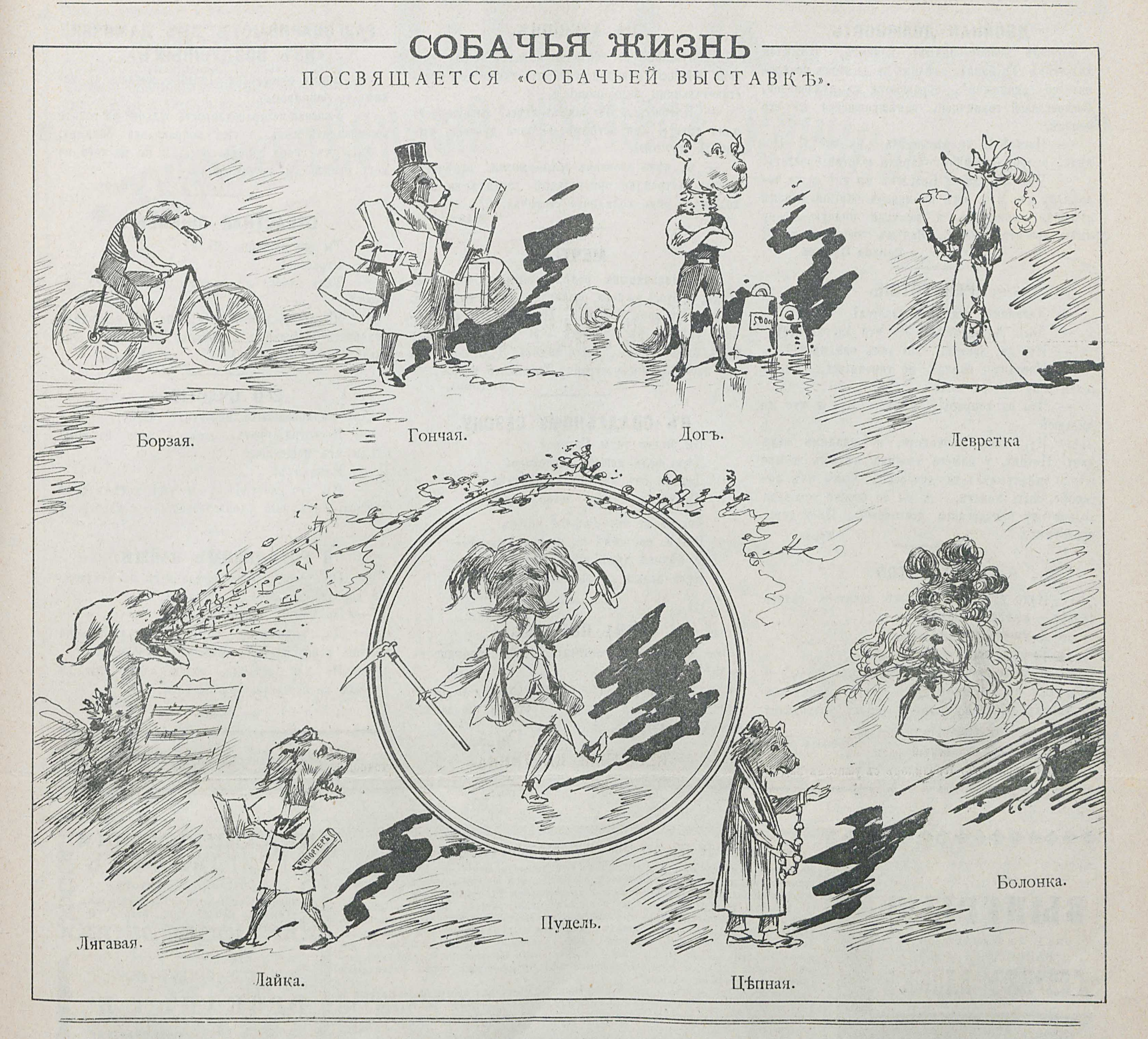
зубы, и, перемаранныхъ въ крови, ихъ удалили съ арены.

Они честные люди, и не хотятъ брать денегъ даромъ.

С. Эръ.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

ПОСВЯЩАЕТСЯ «СОБАЧЬЕЙ ВЫСТАВКѢ».

ПЕРЕГОВОРЫ.

Жоржу Бутонову было предложено „переговорить съ мамашей". Предложеніе это исходило изъ хорошенькихъ устъ Олечки Жетоновой, которую Жоржъ по собственной своей неосторожности поцѣловалъ въ эти самыя уста.

Непріятнѣе всего было то, что отъ предстоящихъ переговоровъ никакъ нельзя было увильнуть, такъ какъ процедуру поцѣлуя увидала сама мамаша, которая и стояла теперь, грозно сверкая глазами, передъ смущеннымъ Бутоновымъ.

— Гм!.. многозначительно проговорила мамаша, когда ея счастливая дочка скрылась за дверью.

— Я... лю... лю... люблю вашу дочь... съ трудомъ проговорилъ Жоржъ.

— Вижу-съ! лаконически отвѣтила первая.

— Я... я... ужасно ее люблю! . Я... прошу ея руки... чуть слышно прибавилъ Бутоновъ.

— Но мы васъ совсѣмъ мало знаемъ, начала было maman.—Впрочемъ... меня зовутъ Елена Павловна Жетонова, а васъ, если не ошибаюсь, monsieur Бутоновъ?..

— Точно такъ-съ!..

— Очень пріятно! Садитесь. Ну-съ, позвольте узнать, чѣмъ вы занимаетесь?

— Я? Ничѣмъ...

— Какъ такъ!?.. Какъ же въ такомъ случаѣ вы рѣшаетесь просить руки... Впрочемъ, что вы, вообще, дѣлаете? чѣмъ вы живете?

— Играю на билліардѣ, пью водку, дую пиво...

— Вотъ какъ!? Очень пріятно!.. Значитъ, у васъ есть средства?

— Ни сантима!.. Ахъ, виноватъ! Есть двугривенный, но и тотъ, къ сожалѣнію, фальшивый.

— Позвольте, милостивый государь!.. Впрочемъ, ваши дѣла можно поправить: мой мужъ найдетъ вамъ мѣсто. Гдѣ вы получили образованіе?

— У Доминика.

— У Доминика!? Но вѣдь это, если я не ошибаюсь, ресторанъ... Впрочемъ я и сама противъ высшаго образованія. Позвольте узнать, кто ваши почтенные родители.

— Гм!.. Трудно сказать кто... Моя „maman" была прачка; мой „papa", вѣрнѣе мои папаши были дворниками дома Мурузи, что на Литейномъ проспектѣ...

— Ахъ, какой пассажъ!.. Впрочемъ, этотъ домъ замѣчательно красивый... Ну, теперь перейдемте къ дѣлу. Вы просите руки моей дочери?..

— Рискнулъ, простите!.. Но, конечно, я ей не пара.

— Я—передовая женщина! Я игнорирую сословные предразсудки! Вы—дитя несчастья, и я сдѣлаю васъ счастливымъ!.. Благословляю!.. Оля! поди сюда!

— Не губите! пощадите!.. взмолился вдругъ Жоржъ, опускаясь на колѣни.

— Какой вы добрый, славный!.. Она не погибнетъ съ вами, она будетъ счастлива... Оля! Олечка!

Молодой человѣкъ, рыдая, растянулся на полу и сталъ колотиться лбомъ.

— Олечка, принеси скорѣе стаканъ воды! Съ monsieur Бутоновымъ истерика отъ радости сдѣлалась, сказала мать прибѣжавшей дочери.

Д. К.

ВРЕМЯ—ДЕНЬГИ.

(отрывокъ изъ письма).

— Прелестная, обожаемая Анна Петровна, ради Бога не томите отвѣтомъ, вы знаете какъ давно я сгораю любовью къ вамъ... Для меня безъ васъ—ни радости, ни жизни... я ждать не могу,—сердце лопается отъ волненія... Осчастливьте меня согласіемъ, иначе я не отвѣчаю за себя. Отвѣта жду не далѣе завтрашняго дня, такъ какъ у меня въ виду есть еще одна выгодная партія.

Семирамидъ.

ДВОЙНАЯ ДОЛЖНОСТЬ.

Номеръ меблированныхъ комнатъ. Пожилой холостякъ Трубкинъ, одѣливъ съ десятокъ поздравителей „чайными“, обращается къ пухленькой, быстроглазой горничной, замѣшкавшейся въ его номерѣ.

— Настя! И ты выпросила „на чай“?! Но, вѣдь, я тебѣ сегодня подарилъ золотой браслетъ!

— Что жъ такое! Браслетъ вы мнѣ за то подарили, что я у васъ на манеръ барыни, а какъ здѣшняя горничная, я завсегда полную праву имѣю просить на чай... Зачѣмъ своего лишаться!?

Ванька Пузырь.

ПРЕПЯТСТВІЕ.

— Дворникъ, эта дача сдается?

— Да... А вы нанять ее, что ли, хотите?

— Ну, да, нанять... По чемъ она идетъ?

— Погодите, баринъ, не торопитесь... У васъ незамужнія дочери есть?

— Что за вопросъ!.. Есть... Ну, и что же дальше?

— Ну, такъ проходите, не сдадимъ вамъ дачу! Потому, у нашего хозяина цѣлыхъ четыре штуки незамужнихъ-то дочерей... Самъ ихъ поскорѣе сбыть хочетъ... А вы со своими дочерьми только ему канкаренцію составите... Проходите, проходите...

Беръ.

НЕУДОБСТВО.

— Надо итти къ портному заказать лѣтнее пальто,—а лѣнь ужасная!

— А ты не будь дуракомъ.

— То-есть, какъ это?

— А такъ, зачѣмъ платишь по счетамъ,—вотъ если бы ты портному не платилъ, такъ онъ бы ходилъ къ тебѣ, а теперь самому приходится ходить.

Бурбоша.

НА АУКЦІОНѢ.

На аукціонѣ въ столичномъ залѣ, между другими покупателями присутствуютъ также двѣ представительницы demi-monde'а.

— Кларисса!.. Ты зачѣмъ здѣсь? спрашиваетъ одна другую при встрѣчѣ.—Развѣ думаешь что-нибудь *купить?*

— О, нѣтъ, совсѣмъ *наоборотъ!* отвѣчаетъ другая, устремляя пристальный взглядъ на проходящаго мимо солиднаго старичка.

Жанъ.

МЕЧТЫ.

У Чернильницына родился сынъ. Счастливый отецъ, любуясь на него, развиваетъ планы будущаго:

— Ну, вотъ и сынъ... Навѣрно онъ мнѣ будетъ утѣхой въ старости... Я хочу, чтобы онъ былъ инженеромъ... Быть можетъ, Дума поручитъ ему впослѣдствіи постройку Троицкаго моста!..

Microbus.

КЪ СВАДЕБНОМУ СЕЗОНУ.

Въ былые годы Гименей
Дѣла велъ дешево, правдиво,
Давалъ онъ дѣвушкамъ—мужей,
Мужчинамъ—женъ легко и живо...

Теперь не то,—златой телецъ
Вездѣ, во всемъ на первомъ планѣ—
И бѣдной дѣвѣ подъ вѣнецъ
Итти нельзя съ шишомъ въ карманѣ...

Вакхъ С.

ДВА ПШЮТТА.

— Ты икаешь,—вѣроятно, тебя вспоминаетъ „она“!

— О, нѣтъ, просто ругаетъ лакей у Доминика!.. Я только что ушелъ оттуда, не заплативши за завтракъ.

Бурбоша.

РАЗГОВАРИВАЮТЪ ДВѢ ДАМОЧКИ, «ИЗЪ ВОЗДУШНЫХЪ».

— Какая счастливая Лидія!.. сошлась съ какимъ-то банкиромъ.

— Ужасная несправедливость судьбы: ей только восемнадцать лѣтъ, и уже понравилась банкиру, а мнѣ ужъ скоро сорокъ лѣтъ, и ни на кого не могу произвести впечатлѣнія.

Бибъ.

СТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ.

— Ты его любишь, Мари?

— Страстно!

— Такъ отчего же не выходишь за него замужъ?

— Да его дядюшка все еще не утвердилъ духовнаго завѣщанія; а вдругъ, да онъ не ему наслѣдство-то оставитъ?

Абеляръ.

ЕГО СЧАСТІЕ.

Два рѣдковолосыхъ пшютта.

— Посмотри, братъ, есть у меня на щекѣ слѣды отъ пощечины?

— Никакихъ!

— Ну, его счастіе! А я ужъ хотѣлъ было требовать отъ него удовлетворенія за оскорбленіе!

Х—ъ.

О ГОРОДСКОМЪ ЗАЙМѢ.

— Городской голова настаиваетъ на заключеніи городского займа...

— На какомъ основаніи?..

— Да, видите ли, у Берлина и у Парижа долговъ втрое больше, чѣмъ у Петербурга...

— Не для того ли, чтобы намъ хотя въ долгахъ не отставать отъ Европы...

Альц.

За редактора издатель *Р. Голике.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Апрѣля 1896 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. № 17.